

СТАНИСЛАВ
ЛЕМ

STANISŁAW
LEM

**SCHWARZ
UND WEISS**

СТАНИСЛАВ ЛЕМ

ЧЕРНОЕ И БЕЛОЕ

ACT
МОСКВА

УДК 821.162.1-3
ББК 84(4Пол)-44
Л44

Stanisław Lem
CZARNE I BIAŁE

*Перевод с польского, немецкого и английского языков
В.И. Язневича, В.И. Борисова, А.П. Лукашина*

Компьютерный дизайн В.А. Воронина

Печатается с разрешения наследников автора
и литературного агентства Andrew Nurnberg Associates
International Ltd.

Лем, Станислав.

Л44 Черное и белое : [сборник] / Станислав Лем ; [пер. с пол.,
англ., нем. В. И. Язневича, В. И. Борисова, А. П. Лукаши-
на]. — Москва : АСТ, 2015. — 640 с.

ISBN 978-5-17-084929-1

Рассказы, интервью, мемуары, юмористические заметки, философские эссе Станислава Лема разных лет. Некоторые из них уже публиковались ранее в периодике, но большая часть издается на русском языке впервые.

Произведения, вошедшие в этот сборник, в который раз поражают читателя не только мощью, но и необыкновенной многогранностью таланта Лема — выдающегося фантаста и философа XX века.

УДК 821.162.1-3
ББК 84 (4Пол)-44

© Stanisław Lem, 1948—2006
© Составление. Язневич В.И., 2013
© Перевод. Язневич В.И., 2001—2013
© Перевод. Борисов В.И., 2008, 2013
© Перевод. Лукашин А.П., 2013
© Послесловие; библиографическая справка.
Язневич В.И., 2013
© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

ISBN 978-5-17-084929-1

I
Станислав Лем
рассказывает

«Я — Казанова науки» (интервью)

*Марек Орамус*¹: В следующем году исполнится 50 лет со дня вашего дебюта в еженедельнике «*Nowy Świat Przyczyty*»². Не пора ли подумать о балансе жизни и творчества?

Станислав Лем: Но ведь я еще живу!

— Но вы перестали писать, по крайней мере, беллетристику.

— Действительно, за беллетристику я берусь только тогда, когда мне кто-нибудь хорошо заплатит³.

— Нет ли у вас ощущения, что ваше творчество, эти сорок книг, дало меньше результатов, чем могло бы? Я не имею в виду деньги или роскошь, а читательский отклик, влияние на культуру, на развитие цивилизации.

Lem S., Oramus M. «*Jestem Casanovą nauki*», 1995. © Перевод. Язневич В.И., 2012.

¹ Орамус Марек (род. в 1952 г.) — польский писатель-фантаст и журналист, автор книги о С. Леме («Боги Лема» — *Oramus M. Bogowie Lema*. — *Przeźmierowo*: KURPISZ S.A., 2007. 262 s.), содержащей три интервью автора со С. Лемом, в том числе и предлагаемое вашему вниманию. — *Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примечания переводчиков.*

² «Новый мир приключений» (*пол.*) — в нем в 1946 г. в номерах 1–31 был опубликован первый роман С. Лема «Человек с Марса». — *Здесь и далее названия произведений С. Лема на русском языке даны по изданиям, осуществляемым с 2002 г. издательством АСТ (г. Москва) в сериях «С/с Лем» и «Philosophy».*

³ Имеются в виду рассказы «Матрас» и «Последнее путешествие Ийона Тихого», включенные в настоящий сборник.

— Откуда я знаю? Если речь идет о премиях, я получил три крупные за границей: американскую, немецкую и австрийскую, не считая таких, как недавняя награда ПЕН-клуба или второстепенные мелочи. Но что мне представляется более важным: мои книги в большинстве своем не умерли, например, «Солярис» и «Кибериада» постоянно переиздаются в разных странах. Пару вещей мне удалось предвидеть, когда они еще никому и не снились. То, что я являюсь предтечей фантаматики¹, обнаружили только в последнее время: один автор написал книгу «Археология киберпространства», которая должна появиться в Германии². Я получаю письма из Америки, где говорится, что над проблемой мира, замкнутого в компьютере, что я показал в «Не буду служить», уже серьезно работают в каком-то университете. В Канаде в Университете Макгилла выходит книга обо мне, включающая обширное интервью³. В Германии один профессор⁴ упорно видит во мне не писателя, а философа, использующего для более широкого влияния затертую традицию научной фантастики. Что я еще могу ожидать? Золотую корону? Конечно, я чувствую, что в Польше меня недооценивают и мною пренебрегают, но если на Западе меня считают философом, который использует оружие *НФ*, мне этого вполне достаточно. На сегодняшний день в России у меня гигантские тиражи⁵,

¹ Фантоматика (*польск.* Fantomatyka — от «фантом») — С. Лем сам ввел этот термин в «Сумме технологий» в начале 1960-х гг. Так он называл технологию, позволяющую менять ощущения, данные реальностью, на любые заранее заданные. — *Примеч. ред.*

² См.: *Flessner B.* Archäologia cyberspace. Anmerkungen zu Stanislaw Lems Phantomatik // *Wirklichkeitsmaschinen: Cyberspace und die Folgen*. — Weinheim, Basel: Beltz Verlag, 1993 (Zukunfts Studien, Bd.11), s.25–38.

³ Книга была подготовлена в канадском Университете Макгилла, но вышла в США: «Свирски П. Читая Станислава Лема» (*Swirski P. A Stanislaw Lem Reader*. — Evanston, Illinois: Northwestern University Press, 1997. 129 p.). Книга содержит два интервью автора со С. Лемом, одно из них включено в настоящий сборник («Мысли о литературе, философии и науке»).

⁴ Грефрат Бернд, автор нескольких книг о С. Леме.

⁵ Имеется в виду десяти томное (по плану, реально было издано тринадцать томов) Собрание сочинений Станислава Лема, которое в 1992 г. начало издавать московское издательство «Текст». Тираж первых томов был по 200 000 экз.

несмотря на возрастающее там увлечение виртуальными технологиями. Ведь у меня были переводы даже в Финляндии. Мог ли я желать большего?

— *Но отклик на то, что вы сделали, намного слабее, чем следовало ожидать после такого количества книг, после борьбы на стольких фронтах.*

— Нет, это только в Польше. Мы в определенном смысле всегда были и остаемся культурным захолустьем. Вы сами упоминали, что чехи, которые сейчас издают мою «Сумму технологии», — народ намного более читающий, чем мы, ведь жителей в четыре раза меньше, а тиражи книг там такие же, как в Польше. В Германии у меня суммарный тираж 7 миллионов, то есть на 10–11 немцев приходится одна книга Лема. В России после падения коммунизма мои тиражи уже превысили всё изданное в советские времена¹. То есть мои книги пережили и выдержали падение коммунизма даже там. Если бы мои произведения хорошо экранизировали, тиражи были бы еще больше. Я никогда не стремился к тому, чтобы все мне поголовно поклонялись. Наоборот, меня удивляет, что некоторые книги все еще читают. Лично мне наибольшее удовлетворение приносит небеллетристическое направление моего творчества. Посмотрите, какова судьба моих коллег литераторов. Боюсь даже спрашивать, на что они живут.

— *Однако, не считаете ли вы своей личной неудачей, что эти ваши 40 книг не повлияли сдерживающе на деструктивные начала и тенденции цивилизации? Ведь ее развитие пошло не в сторону утонченного рационализма, как вы бы хотели, а в сторону глупости, вредительства и культа безделушек. Так, словно мир специально старался сделать вам назло.*

¹ Здесь С. Лем ошибается. Общий тираж книг писателя, изданных в СССР, составил 4 млн экз., еще 6 млн экз. — различные антологии (хотя, конечно, о многих изданиях этого периода, куда входили произведения С. Лема, сам он не знал). В России к настоящему времени (1992–2012) общий тираж книг, включающих произведения С. Лема, — около 3 млн экз.

— В этом смысле вы абсолютно правы. В свое время у меня даже было ощущение — не совсем осознанное — некоей своей просветительской миссии, я всегда стоял на позициях рационализма. Поэтому я разочаровался в целой массе американских авторов *НФ*, которых я критиковал за создание бредней, грубо загримированных под литературу, так что они меня в конце концов сообщами выкинули из *Science Fiction Writers of America*¹. Сначала признали почетное членство, а потом выкинули.

— *За то, что вы ругали американскую научную фантастику в «Фантастике и футурологии»?*

— За все в целом. Прежде всего за статьи, которые там были опубликованы. Но продолжим: когда из-за введения военного положения в Польше я жил в Вене, издание «*Frankfurter Allgemeine Zeitung*» прислало мне анкету, в которой был вопрос: «Какое ваше самое заветное желание?» Я ответил двумя словами: другое человечество. Чтобы человечество было другим. Я не имею в виду, чтобы это человечество ничего не делало, а только зачитывалось Лемом, я хотел бы, чтобы оно вело себя иначе. Вы знаете роман Олафа Стэплдона «Создатель звезд»?

— *Да.*

— Там герой мысленно посещает разные галактики. По пути он встречает много «нормальных» цивилизаций и время от времени цивилизации сумасшедшие. У меня начинает создаваться впечатление, что мы живем в цивилизации, которая движется к полному безумию. Сегодня снова, похоже, была газовая атака в Йокогаме². Это безумие направлено не столько на мои книги, сколько на мою жизненную позицию. Читателей у меня достаточно, проявлений признания и черт знает чего — даже слишком. Но вот то, что мир неуклонно

¹ Американская ассоциация писателей-фантастов (*англ.*). Более подробно об этой истории см.: Лем С. Мой взгляд на литературу. — М.: АСТ, 2008, с. 822–824.

² 21 апреля 1995 г.

движется к катастрофе... Что ж, главное направление технологического удара я, собственно говоря, предвидел, зато абсолютно не отдавал себе отчет в том, какое страшное будущее готовит себе человечество. Мой сын заканчивает Принстонский университет, приезжает в Краков с ноутбуком новейшего поколения, вставляет туда дискету, которую ему дали друзья, и там сразу появляется голая дева. Даже научные сообщества Интернета используются для того, чтобы распространять там порнографию. Я ничего не имею против порнографии, но пусть все будет на своем месте. Словно мне кто-то дает гороховый суп и добавляет в него кусочки торта. Что-то здесь не так. Это не я разминулся с цивилизацией, это цивилизация разминулась со мной (*смеется*).

— У меня сложилось впечатление, что когда-то вы были страшно наивным. Я читал такие ваши слова — вы были тогда, правда, намного моложе, — что если бы человечество уже достигло надлежащего уровня развития, то чтение изданий типа «Успехи физики» и «Acta mathematica» было бы ежедневным увлечением миллионов.

— Ну, может, не так буквально. Тридцать лет назад я написал статью, если правильно помню, для журнала «*Studia filozoficzne*» о сверхчувственном познании, телепатии, телекинезе и т.п.¹ В ней был выдвинут тезис, что через тридцать лет этот вопрос будет так же неясен, запутан, без всяких доказательств — и именно так, более-менее, дело обстоит сейчас. Люди намного больше интересуются астрологией и звездными гороскопами, чем астрофизикой. Недавно мы с женой заглянули в книжный магазин, а там надпись на полстены: гороскопы, амулеты, какие-то заклинания... Мне показалось, что я нахожусь посреди африканской деревни, сейчас шаман начнет бить в бубен. Я не перестаю изумляться, что людям это надо. Французы, похоже, на одни гороскопы тратят 5 миллиардов франков ежегодно. Те, кто этим наслаждается, не должны читать Лема, потому что никакой пользы от этого не будет.

¹ См. «О сверхчувственном познании» — в кн.: *Лем С. Мой взгляд на литературу*. — М.: АСТ, 2008, с. 437–461.

Мы живем в период варварства, почти каждый крупный международный матч по футболу заканчивается коллективным мордобоем, большое количество различных террористических актов, покушений и т.п. Это и грустно и поразительно, но я, впрочем, никогда и не считал, что моя литература будет влиять на мир успокаивающе, как оливковое масло на бурные волны.

— *Можно было надеяться, что после развала Советского Союза в мире станет немного комфортнее.*

— И я так думал. Но по-прежнему бурлит то здесь, то там, и никакого прогресса не видно. В этом году в Америке вышел мой «Мир на Земле», поэтому от издателя я получил пачку рецензий. Одни пишут, что я *Polish national treasure*¹, что это прекрасная книга, а другие — что это все устарело, потому что относится к эпохе холодной войны. Чем на самом деле важна эта книга? Я вижу военную угрозу со всех сторон: со стороны ислама, Северной Кореи и т.д., поэтому разговоры, что мы вышли на прямую развития, я считаю смешными. Мир ужасен, и я никогда не считал, что мне удастся выпрямить пути человечества.

— *Как вы себе объясняете свое знаменитое одиночество, которое вы несколько раз подчеркивали и в «Големе XIV», и в «Кибериаде», и в разговорах с Бересем²? Или Лем такой чудак, или это мир стал чудовищным и вам трудно его принять?*

— Я довольно одинок в своей стране. Когда ко мне обращаются из различных редакций и просят рассказать о своем первом свидании или о первой любви — я просто кладу трубку. Меня привлекает философия будущего, нанотехнология, молчание Вселенной — мои интересы значительно шире, чем мои рецептивные способности. Следовательно, я могу говорить о личном одиночестве в том смысле, что я увлекаюсь тем, до чего нет дела подавляющему большинству. Также имеет место и некая разновидность духовного одиночества, выходящего за

¹ Польское народное достояние (англ.)

² См. Так говорил... Лем. — М.: АСТ, 2006, с.12–15, 174–175, 284–287, 614–615, 678.

самые далекие границы науки, передовые исследования только потом меня догоняют, как в случае с этой *virtual reality*¹, которую я назвал фантоматикой. Я был одинок на территории *научной фантастики*, где никто не отважился поднимать те вопросы, что я. Мне всегда было и теперь жаль, что *НФ* не занималась зондированием аутентичного, наукоемкого будущего, а только убегала во всякие сказки.

— *Потому что это проще.*

— А меня интересовало именно то, что труднее.

— *Может, вся проблема в том, что потребители, грубо говоря, оказались слишком глупыми, чтобы принять или оценить то, что вы им предлагали?*

— Даже больше: такие трактаты, как «Философия случая» или «Сумма технологии», не были услышаны². Словно бы я писал на санскрите или на языке майя. Никто их не воспринимал всерьез — только потом вдруг оказалось, что конкретная аппаратура для фантоматики стоит столько-то и столько-то.

— *Профессор Антоний Смушкевич в книге о вас пишет, что, несмотря на широкий круг читателей во всем мире, Лем «чувствует себя одиноким и недооцененным. Его подлинные убеждения и оригинальные концепции не находят видимого отклика в кругах ученых, мыслителей и философов»³. Но ведь и в среде обыкновенных потребителей письменного слова положение не лучше.*

— Если кто-то в Германии или в Канаде получает научные докторские степени по философии Лема⁴, это значит, что еще не все потеряно. *Non omnis moriar* — не весь я умру, ибо что-

¹ Виртуальная реальность (англ.).

² До сих пор не переведены на английский язык.

³ *Smuszkiewicz A. Stanisław Lem.* — Poznań: Dom Wydawniczy «Rebis», 1995. 163 s.

⁴ Имеются в виду упоминавшиеся ранее Бернд Грефрат и Питер Свирски соответственно.

то там всегда останется. Величайшая трагедия писателя, по моему мнению, это ситуация, когда он еще живет, а его книги уже умерли. На это пожаловаться я не могу.

— *Может, вы слишком мало старались быть привлекательным для читателей? Слишком мало крутите бедрами — в литературном смысле?*

— Я старался быть привлекательным интеллектуально, отказываясь лезть из кожи вон и подвозить секс целыми тачками. Когда я издал «Абсолютную пустоту», вещь достаточно новаторскую на польской почве, состоящую из фиктивных рецензий на несуществующие книги, — какой-то взбешенный читатель вернул мне эту книгу с оскорблениями. Он написал, что на такие бредни жалко тратить бумагу, что я должен дальше писать вещи типа «Астронавтов». Вскоре после этого меня навестил американский теоретик и историк литературы, который начал меня превозносить до небес за новаторство и оригинальность. Тогда я показал ему этот экземпляр с оскорблениями. На это он сказал, что именно так всегда и бывает с новаторами, после чего заверил меня, что именно благодаря таким книгам, как «Абсолютная пустота», я останусь в истории литературы. И все-таки я сохранил этот экземпляр как своеобразное напоминание, просто чтобы случайно чего-нибудь не напутать.

— *Откуда взялись три закона Лема?*

— Это же была шутка.

— *Но смертельно серьезная.*

— В «Библиотеке XXI века» я поместил когда-то очерк «Мир как всеуничтожение», где указал на творческую и одновременно уничтожающую роль катастроф. Ведь человечество возникло потому, что космический катаклизм погубил динозавров. Но вот в последнем номере журнала «Шпигель» я читаю, что катастрофы руководят миром, руководят космосом. Там высчитали даже, что из всех живущих когда-либо на

Земле видов погибло 99 процентов. Следовательно, эволюция не является исключительно прогрессом жизни, а прежде всего — это ужасная гекатомба.

Сегодня на нашей планете с шестью миллиардами жителей никто не в состоянии рассказать что-то, чего никто другой до него не рассказал бы. В мире ежедневно выходит примерно 300 миллионов газет, не считая книг. Относительно этого наводнения и неизбежной повторяемости разных выводов я придумал, что: I. Никто ничего не читает; II. Если читает, то не понимает; III. Если читает и понимает, то сразу же забывает — хотя бы потому, что должен освободить место в голове для очередной информации¹.

— *Если три закона Лема должны были стать шуткой, то над чем вы шутили? Над ситуацией в культуре?*

— Один-единственный раз я был когда-то на Франкфуртской книжной ярмарке. Там выставили 280 тысяч книжных новинок. Тогда я чувствовал себя как человек, стоящий на берегу океана, в руке у него маленькая кружка с водой, и он пробует доливать воду в Атлантику. Какой в этом смысл? Никто ничего не читает, ибо не в состоянии, не успеет он даже открыть каждую из этих книг по очереди. При этом уничтожается возможность оценки критиками этого нагромождения.

— *Вы стартовали от высокого уровня доверия к человеку, ваша вера в возможности нашего вида была действительно безгранична. В конце же вы совершенно усомнились в человечестве. «Непобедимый» был здесь, пожалуй, пограничной книгой: я заметил, что иногда вы ставили кавычки в названии, а ино-*

¹ «Три закона Лема» представлены в эссе «Одна минута человечества» (1982 г.). А впервые — в статье: *Lem S. Posthuma I.* — Pismo (Krakow), 1981, № 7, s. 110: «Относительно читающей общественности я вывел, опираясь на собственный опыт и опыт других, три закона чтения. *Primo*, никто ничего не читает. *Secundo*, если читает, то ничего не понимает. *Tertio*, если читает и даже понимает, то сразу же забывает.. В этом диагнозе есть преувеличение, которого, впрочем, невозможно избежать, ибо при высказывании произвольного суждения опускается все остальное, то есть весь мир».